

Пока не прилетел дракон

Иван Краснов

Художник Е. Спилна



Чтобы сделать дракона, мне вполне хватает десяти часов. Для этого нужны: охапка бамбуковых реек, баночка рыбьего клея и тридцать шесть локтей некрашеного шелка. Удовольствие для здешних мест, в общем-то, не из дешевых, и казначей недовольно морщится, когда я в очередной раз говорю ему про расходы. Этот ревностный служака охраняет свою сокровищницу, как преданный пес дверь хозяйского курятника, и я чувствую, что, будь на то его воля, меня пинками бы выставили вон из города. Но слово барона — закон, поэтому каждое утро я выхожу за околицу, неся на плечах огромную коробку.

Пока дракон лежит на земле, он похож на... впрочем, пока еще это ни на что не похоже. Очень трудно разглядеть силуэт грозной рептилии, стоя над безжизненным, обтянутым шелком каркасом. Здесь нужна довольно богатая фантазия, а люди в этом городе не слишком избалованы зрелищами и даже на бродячих комедиантов смотрят, лишь как на людей с разукрашенными лицами. Кстати, многие горожане до сих пор считают меня шарлатаном. Я никогда с ними не спорю.

Поднять в воздух мое детище совсем несложно. По секрету скажу, что здесь нужны лишь ветер, сноровка и сильные руки. Я не прошу зевак отойти в сторонку. Они и так разбегаются, стоит мне замереть рядом с мордой шелкового дракона, широко развести руки и запрокинуть голову. Люди думают, что таким образом во мне накапливаются магические силы, а на самом деле нужен подходящий порыв ветра.

Иногда приходится стоять так очень долго. Но, как только ветер задует чуть посильнее, я резко наклоняюсь, подхватываю длинный шест, и он, изогнувшись, словно огромная удочка, сильным движением подбрасывает невесомый каркас высоко в воздух.

И мой дракон взлетает. Сначала он летит вверх, строго вертикально, поднимаясь так высоко, что кажется, будто дракон хочет ухватиться клыками за маленькое облачко. А потом, зависнув лишь на секунду, он срывается вниз, словно передумал взлетать, но, подхваченный ветром, начинает кружить над самой землей. И с каждым таким кругом дракон опять поднимается выше и выше, расправив большие крылья. Он летит над качающимися верхушками деревьев, скользит на уровне городских башен и так поднимается почти до облаков.

Со стороны все это действительно выглядит очень эффектно. И, глядя на парящую в небесах шелковую пустышку, можно и вправду спутать ее с огненным драконом. Мне говорили, что в городе начался самый настоящий переполох, когда мой дракон поднялся в небо в первый раз.

Я не дурачу голову бедным обывателям и не потешаю скучающую толпу. Я и в самом деле маг (надо сказать, маг очень высокого уровня) и сейчас честно отрабатываю свой кусок хлеба.

Сделать каркас и обтянуть его шелком может любой ремесленник. Подбросить вверх невесомое тело дракона, направив струю воздуха прямо в раскрытую пасть, тоже несложно. А вот провести дракона по небу простым взглядом, направляя его полет туда, куда вздумается, — искусство тонкое, не всем доступное.

Мой дракон поднялся уже достаточно высоко. Крохотной точкой выделяется он на фоне утреннего неба прямо над нашими головами. Сейчас я проведу его пару раз над северной трехногой башней, покручу над деревянными зубцами старой крепости, нарисую изящный росчерк над центральной площадью. Посмотрите на мое детище и признайтесь: разве его полет не прекрасен?

Сержант терпеливо ждет, переступая у меня за спиной, и молча смотрит на летящего в вышине дракона. Я хорошо помню первую встречу с этим ветераном, и, надо сказать, с тех пор он стал относиться ко мне по-другому. Мне даже рассказывали историю, будто недавно он сломал нос какому-то кабацкому бездельнику, который твердил что-то про «колдунишку из столицы». Но хотя сержант и начал меня уважать, он по-прежнему не решается посмотреть мне прямо в глаза, а когда полагает, что я его не вижу, рисует пальцами защитные знаки.

Ну что ж, пора начинать. Повинуясь моему безмолвному приказу, шелковый дракон легко поднимается к самым облакам и, чуть покачиваясь в утреннем небе, разворачивается на восток. Сейчас он сделает большой круг и появит-

ся над городом, свалившись на него со стороны взошедшего солнца. Будем надеяться, что к тому времени все арбалетчики будут на своих местах...

Сержант бросает на землю старый плащ, я ложусь ничком на его потертые складки, а потом переворачиваюсь на спину, закрываю глаза и поднимаю руки к небу. Да, дешевый эффект, рассчитанный на деревенскую публику. Однако недавно я с удивлением обнаружил, что управлять драконом таким вот образом почему-то гораздо легче. Надо будет обязательно рассказать об этом по возвращении в столицу.

Итак, я неторопливо веду дракона по окрестностям города, над фруктовыми садами, где уже собран урожай, над соломенными крышами хуторов, над искрящимися под солнцем ручейками. А вот в этом месте еганадо поднять повыше, и мой дракон легко скользит вверх над горным склоном — и дальше к перевалу. Все, здесь надо развернуться и полететь обратно в город. Дракон скользит быстрее и быстрее; я веду его вниз, мимо сбросивших листву рощиц, над жиденькими стадами тощих овец.

Моя первая цель в городе — восточные ворота, и шелковый дракон сейчас спикирует прямо на них. Он камнем упадет из поднебесья, целясь в самую середину больших, окованных медными щитами створок.

Вот сейчас, прямо сейчас, вот в эту самую секунду!..

Ни я, ни сержант отсюда не можем видеть эти ворота. Но я болезненно дергаюсь, когда там — далеко-далеко — единым щелчком вздрагивают десять арбалетов и несколько стальных болтов пробивают тело моего дракона. Ему-то все равно, несколько дырочек в нежной ткани не остановят его полет, а вот мне приходится туго. Половина моего сознания сейчас там, и болты, пробив шелк дракона, причиняют мне нешуточную боль. Конечно, на моем теле не останется никаких ран и боль существует только в сознании, но от всего этого ничуть не легче.

Послушный моей воле, дракон вновь набирает высоту и разворачивается к центру города. А я, лежа на мятом плаще, вытираю пот со лба, успокаиваю бешено бьющееся сердце и киваю сержанту: «Все нормально, они в меня попали».

Еще один залп арбалетчиков бьет по дракону, когда из-под облаков он падает на крышу ратуши, и сержант снова глубоко вздыхает, видя мои мучения. Он уже привык ко всему и не бросается на помощь, пока я корчусь от боли, лежа на плаще.

Залп из северной башни... Мой пустой желудок не выдерживает боли, и я резко дергаю головою, стараясь, чтобы капли желчи не попали на плащ сержанта. Я давным-давно перестал завтракать перед нашими полетами, хорошо зная, что может произойти. Потом, когда все закончится, сержант, забирая испачканный плащ, не произнесет ни слова, но мне будет очень стыдно. А еще страшнее будет завтра, когда ветеран вновь расстелет для меня этот плащ, но выстиранный и высушенный после сегодняшней тренировки.

Теперь снова вверх, вверх, пока мой дракон может держаться в воздухе. Еще не все цели пройдены. Лети, красавец, теперь уже недолго...

На очереди — верфь. Там нет солдат, и купцы сами охраняют свое имущество. Они, в общем-то, неважные стрелки, но сегодня им везет. Наверное, какие-то боги торговли улыбнулись, даровали своим любимцам удачу, и истерзанное тело моего дракона пробивают сразу пять или шесть болтов, и столько же фонтанов боли взрываются в моем сознании.

Я кричу, уткнувшись носом в мокрый от желчи плащ, я ору от жуткой боли, но не обрываю связь с тем шелковым гробом, что парит сейчас над кромкою морского приboя. Мне надо отвести его в сторону, сдвинуть к центру города так, чтобы он не упал прямо в море. Каркас можно починить, а не делать заново все чучело, до утра склеивая бамбуковые рейки...

Может, хватит на сегодня? Хватит! Пусть копильни порадуются, что сегодня мы до них не долетели. А завтра мы начнем прямо с них!

Я глубоко вздыхаю, задерживаю дыхание — и отпускаю шелкового дракона. Лишенный моей магической поддержки, он на миг замирает, словно натывается в вышине на невидимую стену, потом заваливается влево и начинает падать на землю.

Прежде чем я смогу освободиться от дракона полностью, пройдет пять-шесть секунд, и все это время дракон будет падать, а я — вместе с ним. Очень страшно ощущать, что ты падаешь, лежа на твердой земле. Моя голова закружится, и я сожмусь, предчувствуя, что вот сейчас, со всего маху — на утопанную глину дороги!

Мне удастся освободиться от дракона за несколько мгновений

до того, как из подворотен выскочит чернь и пинками обрушится на ажурный бамбуковый каркас. Сержант пытается с этим бороться, и его солдаты бегут к упавшему на город дракону, чтобы поспеть первыми. Это не всегда получается, и ветеран виновато вздыхает и, как обычно, отводит взгляд, когда в цитадель приносят искромсанное тело дракона. Я не ругаюсь, понимая, что тут ничего не поделаешь. Все люди ненавидят дракона. Даже его шелковое подобие.

В первые дни мой помощник пытался нести меня на руках до города. А теперь все гораздо проще. Сержант укутывает меня в плащ, как ребенка, укладывает на повозку и шлепает по заду маленького ослика.

Сержант прошагает рядом со мною до городских ворот, откуда отправится к арбалетчикам, а меня довезут до цитадели, потом, под укоризненные взгляды казначея, перенесут в мою комнату и осторожно положат на кровать.

А сержант... Не знаю, как у него это получается, но, стоит ему построить своих солдат и спросить: «Ну, что, придурки, кто из вас промазал сегодня?», как по их глазам он сразу определяет, кого сейчас хвалить, а кого бить. Просто бить, разбивая лица неудачников в кровь. Я, в общем-то, против таких методов, но никогда не вмешиваюсь. Сержант не лезет с советами, когда я управляю драконом, а я молчу, когда он воспитывает своих солдат.

В своей комнатке я просплю до полудня. Потом поднимусь со смятых простыней, умоюсь, позавтракаю, поговорю с камердинером барона, с казначеем, с начальником стражи. Раньше меня частенько приглашала баронесса, но вскоре я ей наскучил. Она, красавица, искренне считала, что любой человек, приехавший из столицы, должен быть в курсе всех интрижек, и я разочаровал ее своим неведением.

Ближе к обеду (здесь собираются обедать около шести часов вечера) сержант принесет мне каркас моего шелкового дракона. Пока я осматриваю дырки от арбалетных болтов, ветеран будет молча стоять и виновато разглядывать носки сапог. Я никогда не ругаюсь, даже тогда, когда дракон испорчен безнадежно. Сержант лишь вздыхает и не решается посмотреть мне в лицо.

Так происходит уже несколько месяцев, и каждый новый день похож на предыдущий, как две капли воды.

Но сегодня меня ждет сюрприз.

Этим утром, сразу после того, как арбалетчики расстреляли моего дракона, в город пришел мальчишка-менестрель. Он расстроился, когда узнал, что опоздал к моему действию, но его уже успокоили, сказав, что я поднимаю шелкового дракона почти каждый день.

Менестрель уже прошелся по всему городку, побывал у барона, рассказал ему столичные новости, передал баронессе письма от родственников, а казначею — какие-то документы из канцелярии, потом, выйдя на площадь, прокричал какую-то ерунду про «всепожирательную тьму разума»...

В той комнате, которую отвел мне барон, нет ничего, кроме кровати и табурета с тремя ножками. Впрочем, в этом городе редко кто может похвастаться богатой обстановкой. Я пригласил менестреля к себе, и теперь он сидит на моей кровати; как радушный хозяин, я усадил гостя на лучшее место.

Мальчишка уже выдохся: столичные новости закончились, от его песен я угрюмо отмахнулся, а сказания о древних пророчествах меня мало интересовали. И как только менестрель начал путаться в словах и робко поглядывать на дверь, я выложил на кровать блюдо с жареной рыбой и достал пару бутылок вина из своих запасов. В столице такое угощение стоит безумно дорого, а здесь рыбу едят только простолюдины и приезжие.

Менестрель улыбнулся, и мы до полуночи проговорили про драконов. Оказалось, что мальчишка пришел в этот городок, втайне надеясь остаться тут до прилета дракона, чтобы когда-нибудь потом написать поэму. Поэтому ему очень-очень надо увидеть полет настоящего дракона.

Дракон прилетает сюда каждый год. Еще три недели — и закрутятся осенние штормы, пойдут беспросветные дожди. Так про-

длится месяца полтора-два. А когда бури стихнут и на всем побережье ляжет первый снег, сюда прилетит дракон. Настоящий дракон, не чета моему шелковому. Он прилетит на один день и сожжет этот город дотла, камня на камне не оставив от ратуши, верфи, осадных башен и восточных ворот.

Эта тварь делает свое мерзкое дело каждый год. Никто не знает, почему так происходит и что за счеты у летучего чудовища с бедным крохотным городком. Дракон прилетает каждый год в один и тот же день, и через несколько часов от города остаются только дымящиеся головешки и обугленные камни зданий.

И у живущих тут людей как-то не получается спросить, а что, собственно говоря, происходит.

Сначала дракон атакует восточные ворота. Что бы ни говорили столичные умники, лично я считаю, что драконы — все-таки разумные существа. Если единственные в городе ворота охвачены огнем, очень трудно выбраться из города живым. Потом дракон сжигает ратушу — самое высокое здание в городе, потом — верфь, коптильни, ну и все остальное. К вечеру от города не остается ничего.

А уже к ночи сюда начинают возвращаться люди. Как, скажите на милость, им не вернуться, если это единственное на всем побережье место, где есть безопасная бухта. Они всегда возвращаются сюда, за зиму отстраивают город заново, восстанавливая верфь, корабли, землянки и склады.

Так было всегда, но в этом году мы приготовили для монстра сюрприз. Обычно в городке не остается ни одной живой души, все уходит — в столицу, в другие города, в голую степь, куда угодно, лишь бы подальше от побережья. Но теперь дракона встретят полсотни арбалетчиков. И я надеюсь, что у них хватит смелости, удачи и опыта, чтобы положить конец ежегодным прилетам смертоносного негодяя.

Очень трудно получить опыт борьбы с тем, кто появляется только один раз в году и всего на несколько часов. Именно поэтому каждое утро я запускаю в небо моего дракона, мучаясь от боли на плаще сержанта, плююсь желчью. А еще я ругаюсь с казначеем. И все только для того, чтобы солдатики с арбалетами не перетрусил, увидев в небе настоящего дракона. Чтобы их руки не дрогнули, когда дракон начнет жечь ворота, а тяжелые болты попали в его тело так же точно, как сейчас они попадают в ткань моего шелкового болвана.

Согласитесь, ради всего этого можно немного и потерпеть.

Мы долго разговаривали с этим мальчишкой. Вернее, почти все время говорил только он, говорил громко, размахивая руками, с искорками восторга в серых глазах. А я — слушал, снисходительно улыбался и подливал вино в чашки.

Менестрель говорил, что когда-нибудь настанут времена, когда в небе не будет ни одного дракона. Он говорил об этом как-то грустно, а я не мог понять, с чего же он расстраивается? Ведь это здорово, если во всем мире не останется ни одного дракона.

Еще менестрель говорил, что тогда, когда исчезнет последний дракон, люди спохватятся и пожалеют, что истребили их. А вскоре все уже и вовсе забудут, были ли драконы на самом деле. И появятся добрые и грустные сказки про драконов, которые там предстанут сильными, мудрыми и справедливыми. Совсем не такими, какими они были на самом деле. Люди начнут устраивать праздники в честь драконов, запускать в небо коробки, точь-в-точь как мои шелковые поделки...

Утром менестрель будет спокойно спать на моей кровати, а я осторожно поднимусь с пола, оденусь и бесшумно выйду из комнаты, унося с собою очередного шелкового дракона.

Я не спорил с этим мальчиком. Уж мне ли не знать, что на самом деле представляют собой драконы. И что люди живут до тех пор, пока не прилетит дракон.

А прилетает он сюда каждый год.

